

М. А. БОБРИК

**МАРГИНАЛИИ К БЕРЕСТЯНЫМ ГРАМОТАМ
И ПАМЯТНИКАМ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЭПИГРАФИКИ**

А. А. Гунтусу

1. Шесть бѣбороко (БГ № 7)

Во фрагментарно сохранившейся берестяной грамоте № 7 (посл. четв. XII — перв. четв. XIII в., предпочт. не ранее конца XII в.) упоминаются *шесть бѣбороко*, которые, судя по контексту, следует в числе прочих вещей взыскать по суду с некого Кормана:

... сочита оу короман(а) ...
... (гри)вѣно сороке лисичь соро(ке) ...
...ко осмь шесть бѣбороко ...

В первом издании текста грамоты [НГБ I: 37] *бѣбороко* предлагалось понимать как недописанную форму *бѣбороко(въ)* ‘бобров’. Во втором издании книги А. А. Зализняка «Древненовгородский диалект» [ДНД-2: 452] «странное *бѣбороко*» интерпретируется как «возможно, просто описка вместо *бѣборово*».

Вероятно, стоит вернуться к версии первого издания, по крайней мере, в понимании *бѣбороко* как формы Р. мн. от *бѣбрькъ*. Семантика этого слова должна была, по всей видимости, отличаться от *бѣбрь*, так что более корректным переводом был бы не ‘бобр’, а ‘небольшой бобр, бобрик’.

Продолжением уменьшительного *бѣбрькъ* в восточнославянском именослове является прозвище Боброк, которое носил князь Дмитрий Михайлович Волынский, боярин и воевода Дмитрия Донского. Соответствующий диминутив женского рода сохраняется в названии места происхождения упомянутого князя Бобрка — реки Бобрка (пол. *Wybrka*, идиш *Voiberik*) и (вторично) одноименного города в нынешнем Перемышленском районе Львовской области Украины.

2. Петре : евана : маримилна : ана...
О вариации И. и В. в древненовгородских помянниках

Среди текстов церковного характера заметное место занимают помянники — берестяные записки со списками имен поминаемых на литургии родных и близких. Почти в каждом таком списке мы сталкиваемся со сменой / чередованием форм И. и В. Так, в грамоте № 560 (сер. 20-х — сер. 50-х гг. XII в.) ряд имен открывается формой И. (*ѡекла*), затем сразу сменяется чередой имен в В., прерываемой формой И. (*мариѧ*), а завершается формой И. (*окоулина*) и двусмысленной формой *настасиѧ*, которая может быть И. ж. или В. м. (от *настасиѣ*):

+ [ѡекла к]оура иевана олькъсоу ѡедора хръстиноу мариѧ оноусию
 ѡеимею варъвароу ѡвърънню окоулина настасиѧ

Комментарий в ДНД-2 [349]: «Заказчицы поминаний (или икон¹) — Фекла, Мария и Окулина (их имена стоят в И. падеже). Имена поминаемых (или святых, которых следует написать) стоят в В. падеже, который определяется подразумеваемым глаголом ‘помянуть’ или ‘написать’».

Дело выглядит иначе, если учитывать прагматику таких записок. Прежде всего, помянник индивидуален — каждый подает за своих, и нынешняя практика в этом отношении, можно думать, не отличается от древней. Против множественности заказчиков говорит и то, что чередование падежных форм — факт не только берестяных поминаний, но и поминаний, процарапанных на стенах новгородских церквей. Граффити с чередованием имен в И. и В. есть, в частности, на западной стене в церкви Николы на Липне.

Еще более существенно, однако, другое: всякий, кто когда-либо писал поминальную записку, знает, как легко при этом сбиться в грамматической форме. Даже в современной записке, представляющей собою отпечатанный типографским способом формуляр с заданной в заголовке грамматической конструкцией — «о здравии» или «за упокой» — отвлечься от этой конструкции очень легко. И это часто происходит. Мне не раз приходилось и самой сбиваться, и видеть чужие записки с тем же огрехом. Ведь составляя такую записку, человек, припоминая, сосредоточивается на именах и называет их (в И.) вне связи с глаголом поминальной формулы. Обязательности в соблюдении грамматической формы тут нет — можно не сомневаться, что священник включит имя в молитву в нужной форме. Поэтому и в современных поминальных записках нередко можно видеть че-

---

¹ Предположение о заказе на иконы можно, думаю, с уверенностью отметить — большинство имен ряда никак не могут служить однозначным руководством для иконописца, так как могут относиться к разным святым; кроме того, изображения некоторых святых, которые могли бы подразумеваться, в частности, св. (аввы) Кира или св. Февронии, вообще не засвидетельствованы в древнерусской иконографии этого времени.

редование форм И., В., Р. (их набор варьирует), обусловленное переключением внимания и, соответственно, конструкции в ходе составления записки — в зависимости от того, пишет ли автор безотносительно к контексту поминальной формулы (список имен в И.) или имеет мысленно в виду формулу типа «помяни, Господи» (В.) или — глядя на заголовок поминания — формулу «о здравии / упокоении р. Б.» (Р.). Не стоит видеть здесь ошибку в собственном смысле слова, речь в этом случае идет, думается, скорее об определенном механизме порождения текста такого рода, сродном механизмам «линейно-динамического» (в терминологии О. А. Лаптевой) развертывания устного высказывания².

Замечу кстати, что берестяные поминальные записки того же времени (XII — нач. XIII в.) из Смоленска содержат правильные ряды имен в форме Р. [ДНД-2: 467]. Там, по-видимому, был принят другой формуляр, а именно распространенный ныне «о здравии / упокоении раба Божия / рабы Божии».

Среди древненовгородских поминальных списков с варьированием падежных форм есть не только такие, в которых преобладают формы В. (как процитированная БГ № 560 или как № 506, 508а, 542, 551), но и такие, в которых они вовсе отсутствуют, а преобладают или даже являются единственно возможными формы И. (таковы БГ № 559, 561, 522, 508б, 541, 595). С точки зрения противопоставления заказчик / поминаемый объяснить такие последовательности имен / форм трудно, однако они находят объяснение, если учесть описанный выше механизм порождения текста. Форма И. в таких перечнях аналогична по функции так называемому «именительному перечислению» (ср., в частности, БГ № 445).

3. *Рыти рѣку* в надписи на Стерженском кресте 1133 года

В надписи на каменном Стерженском кресте у впадения Волги в озеро Стерж сообщается, как известно, что он был поставлен в память о рытье реки:

[в такой-то день]
почахъ рыти рѣк[у] сю азъ иванко павловиць
'и поставил (в честь этого события) этот крест'.

Проблематичное место надписи составляет выражение *рыти рѣку*. В ДНД-2 [344] предлагается компромиссный перевод 'начал копать эту реку' и приводится предположение С. М. Толстой о том, что речь здесь может идти об обряде «пахания реки» как магическом средстве вызывания дождя.

Возможно и другое объяснение, если иметь в виду семантику *рыти* как судоходного (мореходного) термина, означающего 'плыть'. Речь идет о

---

² Сходные механизмы действуют в ряде «грамматически невыдержанных» (О. А. Лаптева) конструкций разговорного языка, в частности, с так называемым именительным темы [Лаптева 2003: 137 и далее].

метафорическом обозначении плавания по воде как пахоты³. С этой сферой значений *рыти* связано указанное у Даля [IV: 119] выражение *лодка роет* ‘зарывается под парусом в воду’ (ср. сходную метафору *бороздить моря / океан*).

Однако, пожалуй, наиболее простым и одновременно правдоподобным представляется допустить, что *рыть* употреблено в надписи на кресте не в метафорическом, а в прямом смысле. *Рыть реку* означало бы в этом случае, что берега реки подвергаются каким-то земляным работам, чтобы изменить ее русло. Б. А. Рыбаков [1964: 27–28] в свое время предположил, что люди Иванко Павловича проделали работы по углублению русла Волги.

Основа *ры(т)*- отмечена в русских гидронимах, в частности, северозападных. В бассейне Камы в Пермском крае есть река Рыга. Речка Рытица есть вблизи Луги (Ленинградская область). Назову, наконец, реку Перерытица в Старой Руссе (такое название носит последний участок реки Порусьи). Исследование берегов Перерытицы выявило ее искусственное происхождение — на правом берегу было засыпано древнее заболоченное русло (Емецкое болото существовало здесь еще в XVII веке) [Самойлов и др. 2011: 9]. Вмешательство человека состояло именно в том, что русло реки было изменено — реку *перерыли*.

4. На часы поеть в надписи XII века из церкви Бориса и Глеба в Новогрудке (XII в.)

В недавней публикации надписи XII века из церкви Бориса и Глеба в Новогрудке [Гиппиус, Михеев 2013] текст надписи был отождествлен с загадкой о петухе, известной как в фольклоре, так и в некоторых вариантах апокрифа «Беседа трех святителей». В эпитафической версии загадки есть необычное, не встречавшееся раньше сочетание *на часы п(о)еть*. В публикации оно переведено как ‘часы отпевае’ с пояснением [Там же: 88, примеч. 16]:

Под «часами» здесь, несомненно, имеются в виду часы церковные, то есть молитвословия суточного богослужебного круга⁴. Переводя *на часы поеть* как ‘часы отпевае’, мы используем слова «Повести временных лет» об Иларионе, который, выкопав пещеру на Берестовом, «отпѣваше часы и моляшеся ту Б(ог)у втаинѣ».

Выражение «*пѣти / отпѣвати* + название церковной службы или чинопоследования» хорошо известно как беспредложная конструкция. Такая конструкция с прямым дополнением в В. п. встречается и с приставочным

³ Исторически *рѣка* связано с *рой, рѣяти* [Фасмер III: 464], но не исключено, что вторично оно могло сблизаться с *рыти* в своего рода *figura etymologica*.

⁴ Точнее, служб (последований) первого, третьего, шестого и девятого часов церковных суток.

глаголом *отпѣти / отпѣвати* (как в приведенной цитате из «Повести временных лет»), и с бесприставочным *пѣти*, как, например, в сочетании с *година* ‘час, служба часов’⁵ в Синайском патерике и в Паисиевском сборнике:

поуюцю (ми) *третиѣѣ годиноу* ‘когда я пел третий час (= пел службу третьего часа)’;
пѣти *годину* (цит. по [Срезневский I: 535]).

Кроме названий службы часов (*часъ, година*), в сочетании с *пѣти / отпѣвати* употребляются и названия других служб дневного круга — *вечерня(я), панихида, заутреня(я), литургия*:

Вечерню поуюцимъ, единъ от дьякъ зараженъ бысть от грома, Новгородская первая летопись под 6625 годом [НПЛ: 20];
Поухида пѣти многимъ попомъ безъ дьякона не лѣѣ, Послание Киприана игумену Афанасию 1390 года [Срезневский II: 874];
Заоутренюю ѿпѣша, Житие Андрея Юродивого [ЖАЮ: 272];
И свершишиа [церковь] в одинъ день, и свящали, и божественною литургию пѣша, Псковская летопись под 6996 годом [ПЛ I: 80] и под.

Перевод *на часы поеть* как ‘часы отпевает’ предполагает, что столь устойчивая — почти технический термин — конструкция «*пѣти* + В. п. ‘церковная служба’» в надписи из Новогрудка почему-то иная, а именно «*пѣти* + на В. п. ‘церковная служба’». Однако еще необычнее при таком переводе содержание загадки: вопреки традиционным ассоциациям (см. ниже), петух здесь — клирик, тот, кто поет, совершая службу часов. А то, что он делает это не учась, невольно вызывает удивление не столько его «натуральным» знанием времени, сколько его грамотностью. Такой перевод противоречит и (на мой взгляд) верному выводу самих авторов публикации, которые инвариант загадки о петухе формулируют как «не учился, но *отсчитывает часы*» [Гиппиус, Михеев 2013: 85].

В самом деле, в других вариантах нашего текста речь идет о времени: в украинской загадке *а години знае* ‘знает время = знает, когда петь’, в «Беседе трех святителей» *свѣт повѣдаеть людѣмъ рано* ‘поет, заранее сообщая о рассвете’. Со временем в первую очередь связана и христианская символика петуха в новозаветных текстах⁶. *Куроглашение* (ἀλεκτοροφωνία) в

⁵ Именно этот синоним заменяет *часы* в современном украинском варианте загадки о петухе из новогрудской надписи: *Двічі родився, у школі не вчився, а години знае* [Гиппиус, Михеев 2013: 85]. В конце статьи о слове *година* Срезневский [I: 535] замечает, что слово *час*, как и *година*, «общее всем славянам, получило в разных краях особенные оттенки значения» и что «час значит на северо-западе неопределенное время, а на юго-западе и на востоке то же, что на северо-западе година, hoга».

⁶ Круг христианских значений образа петуха включает три взаимосвязанных между собою области: петуха ассоциировали 1) с Иисусом Христом, светом, рассветом, наступлением дня, Воскресением; 2) с приходом Мессии, наступлением

языке Евангелия — это третья из четырех римских страж (послуживших прототипом позднейшего дневного круга служб), время примерно между полночью и тремя часами. В Остромировом Евангелии соответствующий пассаж в речи Иисуса о конце света звучит так:

Мк. 13:32. 35: Блюдѣтеса бѣдите и молитеса не вѣсте бо когда врѣма бждеть <...> Бѣдите оубо. не вѣсте бо когда гѣ домоу придетъ — вечеръ ли. или полоунощи. или въ *куроглашение* [в современном церковнославянском тексте *пѣтлоглашение* — слово, вошедшее в текст не позднее XV в. в составе южнославянской по происхождению афонской редакции — М. Б.]. или заоутра [Востоков 1843/1964: 229 об.].

Термин *куроглашение* как обозначение времени фигурирует и в памятниках церковного права (в контексте молитвенного правила). Так, в частности, в Рязанской Кормчей и Пандектах Никона Черногорца содержится указание творить молитвы «с утра и в третий час, и в шестой, и в девятый, и в куроглашенье», в *куроглашение же поне же бѣговѣстуеть(с) часъ прішествиа дне* (Рязанская Кормчая 1284 года — [СДРЯ IV: 340]).

Если принять во внимание этот «семантический ореол» образа петуха, то сочетание *на часы* было бы, думаю, естественно понимать в собственно темпоральном смысле — но в каком именно? Подсказка мне видится в определенных южнославянских выражениях со значением ‘вовремя, своевременно’ — в серб. *на време*, макед. *на време*, *навремено*, болг. *навремено*. Что касается употребления в загадке о петухе слова *часы* в значении ‘время’, то оно в древнерусских текстах хорошо известно, в частности, в выражениях (*в*) *тыи часы*, *тыми/тѣми часы* ‘тогда, в то время’, *сии часы*, *сѣми часы* ‘тотчас’, *по вьса часы* ‘всегда, во всякое время’, *часы смѣртньи* ‘время смерти, смертный час’ [Срезневский III: 1479–1480]. В форме ед. ч. *час* ‘время’ распространено и в южнославянских языках и диалектах [ЭССЯ 4: 27–28].

Итак, учитывая приведенные соображения, перевод загадки из Борисоглебской церкви можно откорректировать следующим образом:

двоичи роженъ въ портъ тепль а нѣ оучивъ са на часы п(о)еть
‘Дважды рожден в теплую одежду⁷; не учившись, вовремя поет’.

В таком виде новгородская загадка по смыслу наиболее близка тому ее варианту, который содержится в приведенном в публикации варианте «Беседы трех святителей», а южнославянские параллели сочетанию *на часы* служат еще одним аргументом в пользу предположения А. А. Гиппиуса и С. М. Михеева [2013: 85–86] о южнославянском происхождении текста загадки.

конца света, Страшным судом (Мк. 13:35); 3) с апостолом Петром и покаянием (Мк. 14:26–31; Мф. 26:30–35; Лк. 22:31–34; Ин. 13:36–38) [Schramm б. д.].

⁷ Под теплой одеждой подразумеваются оболочки — яйца (скорлупа) и птенца (пух, перья).

5. *Всаль* ‘взял’⁸

В берестяных грамотах есть случаи, когда звонкий согласный передается буквой парного глухого. Имею в виду два примера [з] > с в формах глагола *взати* (раннее: *възати*), оба они встретились в грамотах XIV века:

- БГ № 445: *всало* горончаро .̄в̄. сорока. куницу ‘взял гончар (или: Гончар) два сорока куниц’ (стратиграфической даты нет, внестратиграфическая I — III четв., предпочтительно первое 40-летие XIV в.).
- БГ № 59: а дар ко соби *восми* ‘а дар (род подати) к себе возьми’ (10-е — 30-е гг. XIV в., внестратиграфическая дата предположительно 20-е — 30-е гг. того же века).

В издании [ДНД-2: 543, 549] запись с буквой *с* вместо ожидаемой *з* в обоих случаях расценивается как описка или ошибка. На поиск альтернативного объяснения толкают два обстоятельства: 1) тот факт, что замена встретилась в формах одного и того же слова, позволяет задаться вопросом, не могло ли такое написание основываться на произношении этого слова в новгородском диалекте; 2) непозиционная мена глухих и звонких в сильной позиции (перед сонорным, перед гласным, в интервокальной позиции в середине слова) известна и в других памятниках севернорусского происхождения (в частности, древненовгородского ареала), и в севернорусских говорах.

Многочисленные примеры с немотивированным «оглушением» или «озвончением» собраны в работе [Колесов 1963: 103—104]. Приведу некоторые из них:

- Пролог 1431 г.: *оувасли* наряду с *оувазли*;
- Пантелеймоново евангелие XII в.: *запогу* (вм. *сапогу*);
- Апостол XIV в. Погод. 11: *кко б̄всокъ* въскрай моря (вм. *п̄сокъ*);
- Евангелие 1325 — 1359 гг. Тип. 8: *скрешеть* зубомъ (вм. *скрежетъ*) [Колесов 1963: 103] и под.

Вероятно, сюда же следует отнести два случая «озвончения» [т] > д в берестяных грамотах № 905 и 908, относящихся ко второй половине — последней четверти XI века и написанных, по-видимому, одной рукой:

- БГ № 905: *оу т̄вшадѣ* ‘у Тешаты’;
- БГ № 908: *посдави* ‘постави’ [ДНД-2: 248]⁹.

Целый ряд случаев такого рода отмечен в памятниках, отражающих холмогорский говор XVII в. [Лопухина 2011: 11; Ларин 1959: 48]. В севернорусских говорах следы непозиционной мены, в значительной степени

⁸ За полезные замечания по этому разделу я признательна И. В. Бегунц.

⁹ В исследовании ДНД-2 [85] эти случаи с известными допущениями рассматриваются в ряду примеров ассимиляции по глухости-звонкости.

лексикализованные, сохраняются до сих пор: оглушение начальных звонких (*томоу* вм. *домой*), озвончение в интервокальной позиции (*сабоги* вм. *сапоги*, *подом* вм. *потом*, *блида* вм. *плита*), отсутствие конечного оглушения звонких [Колесов 1963: 104—105; Князев 2008: 33; Касаткин 1999: 240].

На фоне этих данных вряд ли может вызывать сомнение, что примеры *всаю*, *восми* из берестяных грамот № 445 и № 59 отражают некоторую фонетическую реальность — думаю, диалектное произношение напряженного [с]¹⁰.

Л и т е р а т у р а

Востоков 1843/1964 — Остромирово Евангелие 1056—57 года с приложением греческого текста Евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым. СПб., 1843; A. Vostokov. Evangelium Ostromiri. Unveränderter Nachdruck (= Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris. Fontes et Dissertationes. Tom. I) Wiesbaden, 1964.

Гиппиус, Михеев 2013 — А. А. Г и п п и у с, С. М. М и х е е в. Две древнерусские загадки XII—XIII веков из Новгорода и Новогрудка // Храм і люди. Збірка статей до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького. Київ, 2013. С. 81—87.

Даль — В. Д а л ь. Словарь живого великорусского языка. М., 1978.

ДНД-2 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. М., 2004.

ЖАЮ — А. М. М о л д о в а н. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.

Касаткин 1999 — Л. Л. К а с а т к и н. Современная русская диалектная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Князев 2008 — С. В. К н я з е в. Русская диалектная фонетика. Учебное пособие. М., 2008.

Колесов 1963 — В. В. К о л е с о в. Севернорусские чередования согласных, парных по глухости — звонкости // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. Вып. 1. № 2. 1963. С. 103—112.

Лаптева 2003 — О. А. Л а п т е в а. Русский разговорный синтаксис. 2-е изд., стереотипное. М., 2003.

¹⁰ Ср.: «В севернорусских говорах противопоставление шумных согласных осуществляется по напряженности / ненапряженности, тогда как в остальных говорах и в литературном языке — по глухости / звонкости» [Касаткин 1999: 243] (подробно — в разделе «Противопоставление согласных по напряженности / ненапряженности в севернорусских говорах» [Там же: 227—245]). Признак «напряженность / ненапряженность» характерен и для ряда соседних с древненовгородским по северозападному ареалу идиомов — лехитских, германских и финно-угорских. Происхождение непозиционной мены парных по глухости / звонкости согласных в русских диалектах (в частности, роль финно-угорского субстрата) составляет предмет дискуссии.

- Ларин 1959 — Б. А. Л а р и н. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959.
- Лопухина 2011 — А. А. Лопухина. Фонетика холмогорского и Шенкурского диалектов XVII в. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011.
- НГБ — Новгородские грамоты на бересте. Вып. I. М., 1953.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (= Полное собрание русских летописей. Т. III). М., 2000.
- ПЛ — Псковские летописи (= Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1—2). М., 2003.
- Рыбаков 1964 — Б. А. Р ы б а к о в. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964.
- Самойлов и др. 2011 — К. Г. С а м о й л о в, Е. В. Т о р о п о в а, И. А. В о р о н - к о в. К вопросу о локализации древнейшего ядра Старой Руссы (относительно гипотезы Я. Е. Водарского и К. А. Аверьянова). 2011 / <http://www.novsu.ru/file/927117>.
- СДРЯ, IV — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.) / Главный редактор Р. И. Аванесов. Т. IV. М., 1991.
- Срезневский — И. И. С р е з н е в с к и й. Словарь древнерусского языка. Т. I—III. М., 1989.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—43. Л.; СПб., 1965—2010 —.
- Фасмер — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV / Пер. с нем. О. Н. Трубачева. Под ред. и с предисловием Б. А. Ларина. 2-е изд., стереотипное. М., 1986—1987.
- ЭССЯ 4 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 4. М., 1977.
- Schramm б. д. — Ch. S c h r a m m, Hahn / <http://www.bibelwissenschaft.de/wibilex/das-bibellexikon>.

References

- Dal — V. Dal. Slovar zhivogo velikoruskogo yazyka. Moskva, 1978.
- DND-2 — А. А. Zaliznyak. Drevnenovgorodskiy dialekt. Moskva, 2004.
- ESSYa 4 — Etimologicheskij slovar slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond / Pod redakciyey O. N. Trubacheva. Vyp. 4. Moskva, 1977.
- Fasmer — M. Fasmer. Etimologicheskij slovar russkogo yazyka. T. I—IV / Per. s nem. O. N. Trubacheva. Pod red. i s predisloviyem B. A. Larina. 2-e izd., stereotipnoye. Moskva, 1986—1987.
- Gippius, Mikheyev 2013 — А. А. Gippius, S. M. Mikheyev. Dve drevnerusskiye zagadki XII—XIII vekov iz Novgoroda i Novogrudka. / Khram i lyudi. Zbirka statey do 90-richchya z dnya narodzhennya Sergiya Oleksandrovicha Visotskogo. Kiyev, 2013. S. 81—87.
- Kasatkin 1999 — L. L. Kasatkin. Sovremennaya russkaya dialektnaya fonetika kak istochnik dlya istorii russkogo yazyka. Moskva, 1999.
- Knyazev 2008 — S. V. Knyazev. Russkaya dialektnaya fonetika. Uchebnoye posobiye. Moskva, 2008.

Kolesov 1963 — V. V. Kolesov. Severnorusskiye cheredovaniya soglasnykh, parnykh po glukhosti — zvonkosti // Vestnik LGU. Seriya istorii, yazyka i literatury. Vyp. 1. № 2. 1963. S. 103–112.

Lapteva 2003 — O. A. Lapteva. Russkiy razgovornyy sintaksis. 2-e izd., stereotipnoye. Moskva, 2003.

Larin 1959 — B. A. Larin. Russko-angliyskiy slovar-dnevnik Richarda Dzhemsa. (1618—1619 gg.). Leningrad, 1959.

Lopukhina 2011 — A. A. Lopukhina. Fonetika kholmogorskogo i shenkurskogo dialektov 17 v. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2011.

NGB — Novgorodskiy gramoty na bereste. Vyp. I. Moskva, 1953.

NPL — Novgorodskaya pervaya letopis starshogo i mladshogo izvodov (= Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. III). Moskva, 2000.

PL — Pskovskiy letopisi (= Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. V. Vyp. 1—2). Moskva, 2003.

Rybakov 1964 — B. A. Rybakov. Russkiye datirovannyye nadpisi XI—XIV vv. Moskva, 1964.

Samoylov i dr. 2011 — K. G. Samoylov, Ye. V. Toropova, I. A. Voronkov. K voprosu o lokalizatsii drevneyshego yadra Staroy Russy (otnositelno gipotezy Ya. Ye. Vodarskogo i K. A. Averyanova). 2011. / <http://www.novsu.ru/file/927117>.

Schramm s. a. — Ch. Schramm, Hahn / <http://www.bibelwissenschaft.de/wibilex/das-bibellexikon>.

SDRYa, IV — Slovar drevnerusskogo yazyka (XI—XIV vv.) / Glavnyy redaktor R. I. Avanesov. T. IV. Moskva, 1991.

Sreznevskiy — I. I. Sreznevskiy. Slovar drevnerusskogo yazyka. T. 1—3. Moskva, 1989.

SRNG — Slovar russkikh narodnykh govorov. Vyp. 1—43. Leningrad; St.-Peterburg, 1965—2010—.

Vostokov 1843/1964 — Ostromirovo Yevangeliye 1056—57 goda s prilozheniyem grecheskogo teksta Yevangeliy i s grammaticheskimi obyasneniyami, izdannoye A. Vostokovym. S.-Peterburg, 1843; A. Vostokov. Evangelium Ostromiri. Unveränderter Nachdruck (= Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris. Fontes et Dissertationes. Tom. I) Wiesbaden, 1964.

ZhAYu — A. M. Moldovan. Zhitiye Andrey a Yurodivogo v slavyanskoy pismennosti. Moskva, 2000.

Резюме

Очерки посвящены нескольким отдельным явлениям лексики (*бобръкъ* ‘небольшой бобр’, *рыти рѣку* ‘копать новое русло реки’, *на часы* ‘вовремя’), грамматики текста (вариация падежных форм объекта в помянниках) и фонетики (отражение на письме произношения напряженных согласных) в новгородских берестяных грамотах (№ 7, 59, 445, 506, 508а, 508б, 522, 541, 542, 551, 559, 560, 561, 595, 765) и в двух древнерусских надписях — на Стерженском кресте (1133 г.) и в церкви Бориса и Глеба в Новогрудке (XII в.). Автор предлагает поправки к существующим интерпретациям и новые решения.

Ключевые слова: берестяные грамоты, древнерусская эпиграфика, древненовгородский диалект.

Статья получена 22.03.2014

MARINA A. BOBRIK

**MARGINALIA TO BIRCHBARK LETTERS
AND SOME OLD RUSSIAN EPIGRAPHIC TEXTS**

This series of notes deals with several lexical (*bebrьkь* ‘young beaver’, *ryti rěku* ‘to change the course of a river by digging a channel’, *na časy* ‘in time’), grammatical (object case variation in the name lists to commemorate during the liturgy) and phonetic (pronunciation of tense consonants reflected in writing) phenomena in birch bark letters (№ 7, 59, 445, 506, 508a, 508б, 522, 541, 542, 551, 559, 560, 561, 595, 765) and in two Old Russian inscriptions — on the Sterzhen Cross (1133 A.D.) and in the Church of Sts. Boris and Gleb in Novogrudok (12th c.). Some refinements to prior interpretations are proposed, and, in addition, some novel solutions.

Keywords: birchbark letters, Old Russian epigraphics, Old Novgorodian dialect.

Received on 22.03.2014